

На правах рукописи

Захарова Александра Леонидовна

**Повседневность сельских бюрократов: техники управления и социальные
контексты (по материалам социально-антропологического исследования на юге
Западной Сибири)**

Специальность 5.6.4 – этнология, антропология и этнография (исторические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург — 2026

Диссертация выполнена на факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге

Научный руководитель:

Лурье Михаил Лазаревич — кандидат искусствоведения, доцент факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге

Официальные оппоненты:

Бочаров Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки (ТОРСАА) Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Ссорин-Чайков Николай Владимирович — PhD Стэнфордского университета (специальность «Антропология»), доцент Департамента истории и руководитель образовательной программы «Глобальная и региональная история» (“Global and Regional History”) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Ведущая организация:

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра этнологии

Защита диссертации состоится «__»_____202_ г. в _____ на заседании диссертационного совета Д 002. 117.ХХ (24.1.194.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук, ученой степени доктора исторических наук, созданного на базе ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32 А, корпус «В», 18 этаж, Малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: www.iea-ras.ru.

Автореферат разослан «__»_____202_ г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

кандидат исторических наук _____ О. Б. Наумова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы и актуальность исследования

В конце 2021 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект о реформировании системы местного самоуправления, подразумевающий переход от действующей двухуровневой системы к одному уровню власти¹. К 2024 г. сельские и городские поселения предлагалось повсеместно лишить статуса муниципальных образований и, следовательно, трансформировать существующие органы местного самоуправления — сельские администрации. Представленный проект вызвал множество разногласий и получил около тысячи поправок. В марте 2025 г., несмотря на неутраченные споры, он был принят в третьем чтении, сохранив при этом право субъектов Федерации самостоятельно принимать решение, проводить ли реформу на конкретной территории.

Как попытка понять, какую роль в сельских поселениях действительно играет сельская администрация и в каком политическом контексте сегодня существует местное самоуправление, появилась данная диссертация. Помещая в центр исследования особенности управления в двух южносибирских поселениях, автор диссертации проблематизирует способы, с помощью которых служащие сельских администраций и разные жители поселений осуществляют управление: взаимодействуют с государственными структурами и получают возможность воздействовать на сельское социальное пространство.

Главный **исследовательский вопрос** — *как устроены социальные отношения в структуре сельского управления и что представляет из себя форма власти сельских бюрократов в России начала 2020-х гг.?* Этот общий вопрос можно разложить на несколько более частных: что представляет собой рабочая повседневность служащих сельских администраций? Как в существующей структуре управления решаются общие и частные проблемы жителей? Кто именно задействован в сельском управлении, и какая роль в этом процессе отведена местной администрации? Как и кем определяются обязанности сельских управленцев? Как воображается «близкая» и «далекая» власть? Как разные жители поселений представляют себе сельский социальный порядок? В каком отношении эти представления оказываются с реальной управленческой практикой? И как на сельскую муниципальную власть влияет существующий политический режим?

¹ Проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 16.12.2021. Вносится сенатором Российской Федерации А. А. Клишасом, депутатом Государственной Думы П. В. Крашенинниковым.

Следовательно, **объект** исследования — повседневность сельского управления, в котором участвуют как сотрудники сельской администрации, так и другие жители сельских поселений. **Предмет** — актуальные для сельских бюрократов и местных жителей техники управления и представления о сельском авторитете и государственной власти.

Цель исследования — проанализировать, как устроено управление в двух сельских поселениях начала 2020-х гг., учитывая общеполитический и локальный сельский контекст, чтобы понять, какую роль в процессе управления играет сельская администрация. Для достижения этой цели были сформулированы и реализованы следующие **задачи**:

- определить, какие агенты принимают участие в сельском управлении;
- этнографически описать управленческую деятельность служащих двух сельских администраций и других агентов управления;
- исследовать, каким образом сами сельские управленцы видят свою роль в процессе управления и как на эту роль смотрят другие жители поселений;
- выявить различия и сходства в способах управления двумя поселениями, выдвинуть предположения относительно причин тождества или различия в управленческих практиках;
- проанализировать, какое влияние на сельское управление оказывает выстроенная в исследуемом районе и, шире, в России начала 2020-х гг. структура муниципальной власти и каким образом сельские муниципальные служащие организуют свою работу внутри нее;
- определить, из каких составляющих складываются представления местных жителей о сельской нормативной социальности и как они проявляются в рабочей практике и дискурсе местных управленцев;
- проанализировать, как воображают себе концепцию государства и нормативные отношения с ним разные жители поселений («управленцы» и «управляемые»), и исследовать, как эти представления встроены в реальную практику сельского управления.

Хронологические рамки исследования охватывают начало 2020-х гг. — временной отрезок между внесением в Государственную Думу законопроекта о реформе муниципального управления и началом его реализации в исследуемых местах. Работа основана на полевом материале, собранном во время полевых выездов 2021–2024 гг.

Территориальные рамки исследования включают два сельских поселения одного муниципального района в одном из регионов на юге Западной Сибири. В целях обеспечения безопасности для героев исследования название региона исследования не

указывается. Данный регион расположен на границе с Казахстаном, имеет экономические преференции и считается одним из наиболее развитых регионов России по уровню благосостояния. Поселения, в которых проходила полевая работа, представлены под измененными названиями: Большовское (12 км от административного центра, 3 н/п, общая численность примерно 1 300 чел.) и Павловское (70 км от административного центра, 3 н/п, общая численность примерно 450 чел.). Выбор места исследования обусловлен наличием связей, обеспечивших возможность провести полевую работу методом включенного наблюдения.

Степень разработанности темы исследования

Сельское управление как специфическая форма власти неоднократно привлекало внимание отечественных историков и этнографов. Популярным объектом научных исследований была крестьянская община — с одной стороны, предмет государственных реформенных преобразований, с другой стороны, отдельный политический субъект, взаимодействующий с государством². Под «общиной» понималась не только хозяйственная ячейка и форма управления, встроенная в государственную систему или, напротив, альтернативная ей, но и особая «крестьянская ментальность», в которой «групповая идентичность» преобладала над индивидуальной³. Ученые рассуждали об устойчивости крестьянской общины перед лицом политических трансформаций или пытались определить точное время, когда под давлением государственных преобразований сельская община исчезла. Первый подход, по всей видимости, нашел у исследователей большой отклик, поскольку и в работах постсоветского времени (М. Архиповой, А. Никишенкова, А. Турского) можно найти отголоски сельского «общинного мифа»⁴ с его идеей об особой (коллективистской) сельской социальности и свойственных ей нормативных практиках.

В качестве посредника во взаимодействии между сельским социумом и «государством» рассматривались такие деревенские лидеры как сельский староста, бригадир, председатель колхоза и сельсовета, двойственность статуса которых (т.е. представление от своего лица одновременно и «государства», и села с их собственными

² Об историографии исследований крестьянской общины отечественными историками и этнографами см., например: Александров В. А. Сельская община в России (XVII–начало XIX в.). М.: Наука, 1976. С. 3–46; Алиева Л. В. История крестьянской общины на завершающем этапе ее существования: историографические проблемы // Метаморфозы истории. 2003. № 3. С. 266–279; Алымов С. Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. 2010. Т. 101. № 1. С. 109–129.

³ Архипова М. Н., Турской А. В. Общинные традиции в хозяйстве (как пример бытования традиций в малой группе) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 3. С. 104–105.

⁴ Там же. С. 105.

нормами и интересами) может навевать ассоциации с героями данной диссертации — современными сельскими муниципальными служащими, также являющимися и жителями деревень, и представителями власти. Однако необходимо подчеркнуть, что изучаемые мною реалии далеки от общинной реальности. Как минимум, исчезли основания, на которых базировалась крестьянская земледельческая община, а именно общее владение землей и включенность в совместный аграрный труд⁵.

Современный сельский чиновник, хотя и, на первый взгляд, находится в той же ситуации дуализма, что и председатель сельсовета ранее, стал частью трансформировавшегося государственного аппарата. В связи с этим исторические параллели, трансформации и/или преемственность сельского управления по сравнению с политическими системами прошлого — тема отдельного исследования. В рамках представленной диссертации работы об управлении в иных хронотопах используются при разговоре о некоторых типологических сходствах, а не с целью диахронического анализа.

Диссертация встраивается в ряд исследований по антропологии бюрократии и государства и, шире, в политическую антропологию, с которой данные подразделы находятся в отношениях «видов» и «рода». Нацеленная на изучение внутреннего устройства одного из главнейших институтов государственной власти — бюрократического аппарата, антропология бюрократии оформилась в отдельное направление в 1990–2000-е гг. Впрочем, антропологический след в социальных исследованиях бюрократических организаций можно обнаружить задолго до появления отдельной субдисциплины. Антропологическими по своему посылу (т.е. рассматривающими бюрократические организации как пространства с особой культурой, а бюрократов как индивидов с их собственными представлениями и личными отношениями) можно назвать исследования бюрократических организаций первой половины XX в. Их интеллектуальным источником считается теория рациональной бюрократии М. Вебера. Оспаривая тезис Вебера о рациональности и беспристрастности бюрократов, с середины XX в. исследователи, занимающиеся социальными науками (У. Беннис, Г. Кауфман, П. Блау и др.), предлагали посмотреть на то, как именно осуществляется взаимодействие внутри бюрократических структур. На распространение этнографических методов в этих исследованиях повлияли антропологи, принешие в работы о промышленных организациях аналитические инструменты из трудов о политических структурах небольших сообществ.

⁵ Андреев И. Л. К. Маркс о месте общины во всемирной истории в набросках ответа на письмо В. И. Засулич // Советская этнография. 1979. № 5. С. 3–21.

Критика веберовской модели рациональной бюрократии, а также внимание к рабочей повседневности чиновников стали основой нового направления исследований уличной бюрократии (*street-level bureaucracy*). Основоположники этого направления М. Липски, Дж. Проттас и М. Браун изучали рабочую повседневность полицейских, учителей, социальных работников и других служащих, находящихся внизу пирамиды государственной власти и лицом к лицу взаимодействующих с гражданами. Новаторским было утверждение, что уличные бюрократы «делают» (*make*) политику, а не просто «исполняют» ее (*implement*)⁶. Согласно основоположникам теории, относительная удаленность от надзора вышестоящих инстанций и *дискреция*, т.е. возможность принимать решения самостоятельно, наделяют низовых бюрократов политической властью.

Таким образом, уже в социальных исследованиях 1960-х гг. низовые чиновники предстали живыми людьми, сталкивающимися с дилеммами и преодолевающими трудности: нехватку ресурсов, завышенные ожидания, неясно сформулированные цели и плохо осязаемые результаты работы. В центр исследований уличной бюрократии авторы поместили способы адаптации низовых чиновников к особенностям своей позиции, тактики ежедневной борьбы, которую они ведут, чтобы выполнить работу и оправдать свои действия. Установившийся в русле этой теории подход был антропологическим в своей основной интенции, поскольку предполагал использование этнографического метода с его внимательностью к деталям рабочей повседневности: ее социальным нормам и проявлениям дискреции, знаниям, выборам и чувствам конкретных низовых чиновников.

Однако если говорить о том, как изучение бюрократии развивалось строго в границах антропологии, то справедливо будет утверждать, что антропология бюрократии прошла свой собственный путь. Наиболее известные работы этого направления — это прежде всего критика бюрократии. Первой широко известной антропологической работой о бюрократии считается книга М. Херцфельда “*The Social Production of Indifference*”. Эта работа открывает исследовательское направление социальной критики бюрократии, причем бюрократии западной. Одними из самых популярных работ в этой области можно по праву назвать работы Д. Гребера, в которых западная бюрократия рассматривается в первую очередь как инструмент управления, порожденный структурным насилием. В свою очередь подавляющее большинство работ антропологов о бююкратах написаны о странах глобального Юга. Положенный в основу работ таких антропологов как

⁶ Lipsky M. *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2010. P. XX.

Дж. Фергюсон, М. Халл, Н. Матур и др., этнографический подход с его вниманием к бюрократическому дискурсу и рабочим практикам чиновников позволяет заглянуть внутрь «черного ящика» бюрократии и разглядеть предпосылки (государственного, локального, индивидуального уровня), стоящие за действиями и решениями конкретных чиновников. Этот же подход применяется в представленной диссертации.

Кроме того, большое значение для данной работы имеют исследования в области антропологии государства, близкой, но не тождественной антропологии бюрократии, т.к. внимание в ней уделяется преимущественно представлениям о государстве и практикам взаимодействия с бюрократией граждан, а не детальному анализу профессиональной деятельности и точки зрения чиновников. В диссертации используются несколько значимых работ в этой области (М. Нейтен, Н. Ссори́на-Чайкова, Дж. Морриса и др.), что помогает реконструировать релевантную для героев исследования концепцию государства и тем самым углубить представление о желаемом и реальном сельском управлении.

Несмотря на то, что система муниципального управления в России и, в частности, профессиональная деятельность служащих сельских администраций — популярный среди отечественных ученых объект изучения, в поле науки он закреплен преимущественно за исследованиями в области государственного и муниципального управления, политологии и социологии. Известна всего одна работа, в которой уделяется внимание рабочей рутине, конфликтам, переговорам и неявным знаниям в социальном пространстве сельского управления в современной России и задействуются этнографические методы. С опорой на теорию капиталов Пьера Бурдьё и материалы собственного наблюдения А. Ярзуткина анализирует «детерминанты власти и статуса» главы одного сельского поселения на Чукотке⁷. В данной диссертации представлен более подробный анализ составляющих авторитета главы сельского поселения, на работу которого к тому же влияет иная региональная специфика.

Помимо упомянутых выше, затронутой в диссертации проблематике близки качественные социологические исследования, посвященные политическому устройству сельских населенных пунктов в России 2010–2020-х гг. К примеру, Ю. Плюсни́н приходит к выводу, что влиятельный человек в российском провинциальном обществе — это «мудрый, нравственный и правильного поведения индивид среднего и старшего возраста, который участвует в создании и поддержании системы социального контроля <...>»⁸. Представленное определение несколько абстрактно (что стоит за этим «правильным

⁷ Ярзуткина А. А. Глава арктического села: социальный капитал и осуществление властных полномочий // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 62–79.

⁸ Плюсни́н Ю. М. Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. С. 377–378.

поведением» и «нравственностью»?) и в диссертации будет изучено, из каких именно составляющих складывается авторитет в исследуемых поселениях.

Один из наиболее известных тезисов качественных исследований о современной сельской политической организации в России — взаимосвязь между удаленностью населенных пунктов и наличием в них самоорганизации (об этом пишут Ю. Плюснин, А. Позаненко, О. Фадеева и др.). В принципе большой интерес к исследованию устройства сельской власти у ученых вызывает ее «особенная» локализация в разных преломлениях. К примеру, известны работы об устройстве управления в пригородах (т.е. не совсем в селах) с их специфической социальностью (К. Григоричев, А. Шелудков), в удаленных пространствах «северных окраин» (Н. Ссорин-Чайков) или межселенных территориях, «пустых» и «невидимых» для государственной власти за отсутствием нижнего уровня территориальной организации местной власти (Л. Бляхер, К. Григоричев, А. Ковалевский). Однако, хотя в этой работе и идет речь о территории Сибири, контекст «удаленности» не вполне релевантен, т.к. изучаемые поселения находятся в относительной близости к административному центру района и не удалены от путей сообщения и других элементов инфраструктуры.

Определить некоторые общие тренды российского муниципального управления помогают качественные социологические исследования (А. Шелудков, Д. Рогозин, О. Фадеева и др.), строящиеся на анализе интервью с сельскими муниципальными служащими. Тем не менее в диссертации от выявления проблем, с которыми имеют дело сельские муниципальные служащие (зависимость от вышестоящих структур; требования, не учитывающие местную специфику; бюджетный дефицит; пассивность населения и др.), осуществляется переход к более детализированному анализу их переживания и решения.

Теоретические основы исследования

Используя данные, полученные этнографическими методами, данная диссертация на первом уровне анализа опирается на методологию интерпретативной антропологии К. Гирца, восходящую корнями к проекту понимающей социологии М. Вебера с ее фокусом на субъективном смысле действий индивидов. На втором уровне анализа высказывания и индивидуальные смыслы, которые вкладывают в них герои этого исследования, исследуются с опорой на принципы конструктивистского структурализма П. Бурдьё, сочетающего в себе внимание как к объективным и независимым от воли индивидов структурам, так и к социальному генезису этих структур. Поскольку работа состоит из анализа разных аспектов сельского управления, в каждой главе представлен собственный исследовательский контекст и вводятся разные аналитические концепты.

Тем не менее стоит прояснить некоторые общие теоретические основания этой диссертации через обращение к базовым для нее понятиям.

Управление

Выбор слова «управление» в качестве главного аналитического термина — это не прямое следование за юридически закрепленным понятием «муниципальное управление». Не случайно, что в этом качестве используются не понятия «правления», «власти» или «гувернаментальности» местных чиновников. Начиная с середины 1970-х гг., в социальных науках можно заметить растущий интерес к оппозиции «government» и «governance»⁹. «Government» указывает на социальную практику официальных институтов и государственных структур, тогда как «governance» отсылает к широкому спектру механизмов управления и способам распределения власти, как внутренней, так и внешней по отношению к государству. Отталкиваясь от данного различия, под *управлением* в диссертации понимается то взаимодействие с государственными структурами и (вос)производство местного социального порядка — решение частных и общих проблем, возникающих в социальном пространстве поселений, и воздействие на само социальное и физическое пространство в реальности и в бюрократической плоскости, — которое осуществляется как служащими сельских администраций, так и отдельными жителями поселений (*управленцами*).

В таком толковании управления можно увидеть переключку с фукольдианским видением власти как «стратегических игр между свободами»¹⁰, где каждый участник преследует свою политическую рациональность. Власть, в понимании М. Фуко, — взаимный процесс, направленный на структурирование возможных действий друг друга (в т.ч. своего собственного поведения), что философ предлагает определять как (у)правление (*gouvernement*)¹¹. Однако несмотря на то, что в диссертации предлагается рассматривать управленческий опыт как представителей государства на местах, так и жителей поселений, не имеющих формально закрепленных должностей «управленцев», этот ход не следует рассматривать как следование идее гувернаментальности. Во-первых, представленный в исследовании анализ сельского управления учитывает государственный политический контекст, во многом определяющий форму власти сельских управленцев, и тем самым актуальный для диссертации подход, хотя и не сводит управление к

⁹ Jessop B. The Regulation Approach, Governance and Post-Fordism // *Economy and Society*. 1995. Vol. 24. No. 3. P. 309.

¹⁰ Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. / Пер. с франц. Б. М. Скуратова; общ. ред. В. П. Большакова. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 268.*

¹¹ Фуко М. Субъект и власть // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. / Пер. с франц. Б. М. Скуратова; общ. ред. В. П. Большакова. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 181.*

деятельности абстрактного «государства», все же не вполне соответствует заложенному в концепцию гувернаментальности призыву отказаться от «привычки мыслить власть через государство»¹². Во-вторых, концепция власти Фуко предполагает наличие свободы у всех участников (у)правления, по сути оказывающихся равными друг другу. Как демонстрируется в диссертационном исследовании, все агенты управления, напротив, не свободны, но степень их свободы всегда соотносится с их позицией в социальном поле. Более близкими подобному пониманию устройства сельского управления, таким образом, оказываются такие авторы как П. Бурдьё и М. Вебер.

Власть и господство

Сельские чиновники считаются представителями муниципальной «власти» и нередко сами говорят о себе как о «власти». Однако описывая, какое влияние они на самом деле оказывают на социальное пространство, полезно обратиться к веберианскому различению *власти* (Macht) и *господства* или *авторитета* (Herrschaft). В то время как «власть», по Веберу, проявляется в действиях, направленных на реализацию своей воли несмотря на возможное сопротивление со стороны, то «авторитет» подразумевает вероятность того, что этой воле будут повиноваться добровольно, признавая легитимность господства волеизъявителя¹³.

Следовательно, говоря о «власти» сельских бюрократов, мы должны признавать вероятность того, что работа служащих сельских администраций предполагает насильственное навязывание своей воли, реализацию собственных идей, несмотря на внешнее сопротивление. Сельские чиновники (вручая повестки, составляя характеристики на жителей поселения для правоохранительных органов и манипулируя персональными данными в бюрократической плоскости) ретранслируют волю широко понимаемого «государства» и пытаются опереться на идею *бюрократического господства*, подчеркивая, что они вынуждены делать то, к чему их обязывает должность. Тем не менее по большей части сельские бюрократы все же занимаются тем, что Вебер называет *техническим управлением*¹⁴. Они решают актуальные задачи, возникающие в сельском поселении, — «вопросы местного значения», а объем их власти по отдаче личных приказов минимизирован. То, какие основания имеют под собой притязания на господство в исследуемых поселениях, — это один из главных вопросов, на которые отвечает данная диссертация.

¹² Каплун В. Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité*, *Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // *Логос*. 2019. Т. 29. № 2. С. 191.

¹³ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: ИД ВШЭ, 2019. Т. 4: Господство. С. 17–23.

¹⁴ Там же. С. 24.

Уличная бюрократия

Конкретизируя специфику *технического управления*, которым в ходе своей профессиональной деятельности занимаются сельские бюрократы, необходимо сказать, что с некоторыми оговорками эти служащие могут быть отнесены к так называемым *уличным бююкратам* (см. предыдущий раздел). Подчиняющиеся требованиям вышестоящих чиновников и зависящие от бюджета, дотируемого районом, т.е. встроенные в «единую систему публичной власти», сельские служащие, так же, как и описанные в рамках теории уличной бююкратии американские судьи, учителя, полицейские, врачи и социальные работники, лицом к лицу взаимодействуют с гражданами и должны самостоятельно принимать в этих взаимодействиях решения.

Тем не менее герои диссертационного исследования, развивая метафору Липски, работают не на абстрактной «улице» как анонимизирующем пространстве современного города, но на сельских улочках, переулках и завалинках, ключевым свойством которых является «сгущенность» социальных связей¹⁵. Количество «клиентов» здесь ограничено, а состав известен заранее — в селе служащие местных администраций взаимодействуют с людьми, которых знают и в не-рабочих контекстах и с которыми находятся в отношениях большей или меньшей близости. В связи с этим, учитывая и сходства, и различия в положении этих низовых служащих с хрестоматийными уличными бююкратами, сельских муниципальных служащих предлагается называть *сельскими бююкратами*, вынося «уличный» характер их работы за скобки.

Одними из ключевых особенностей работы уличных бююкратов являются дефицит времени, дискреция и относительная автономия от контролирующих органов¹⁶ — работающие «на улице» чиновники буквально удалены от начальников «в кабинетах». Однако подобные утверждения не вполне релевантны для описания рабочей практики сельских бююкратов и могут вызвать соблазн неоправданно преувеличить степень свободы чиновников в процессе управления. Чтобы нюансировать описание их позиции, необходимо обратиться к идеям П. Бурдьё.

Практики и капиталы

Примирая два популярных теоретических подхода к бююкратии — концепцию рациональной бююкратии М. Вебера и теорию уличной бююкратии, теория практик П. Бурдьё позволяет найти баланс между тем, чтобы смотреть на бююкратов как на обезличенные винтики большого механизма, и тем, чтобы пристально всматриваться в

¹⁵ Бредникова О. Е. Деревня умерла? Да здравствует деревня (еще раз к вопросу о различиях города и деревни) // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / Под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб.: Алетейя, 2013. С. 41.

¹⁶ Lipsky M. Op. cit. P. 13–26.

«автономию» низовых чиновников. Сельские бюрократы занимают конкретную структурную позицию как в *государственном*, так и в *локальном социальном пространстве*¹⁷ — т.е. в структуре муниципальной власти и в сельской социальной среде. В результате интернализации правил обеих структур, как показывается в диссертации, у чиновников развивается особое *практическое чувство* или *габитус* — «бесконечная способность свободно (но под контролем) порождать мысли, восприятия, выражения чувств, действия»¹⁸. Анализ имеющихся у сельских бюрократов структурных ограничений, исходящих как от бюрократических структур, так и от сельского социального пространства, и вырабатывающегося у них в заданных условиях практического чувства, позволяет получить более полное представление об объеме дискреции и автономии, которой на самом деле обладают сельские чиновники. В свою очередь, для изучения оснований господства в конкретной структурной позиции оказывается полезной теория капиталов, которые, подчиняясь правилам структуры, накапливают разные агенты управления.

Эмпирический материал и методология полевой работы

Основными методами полевого исследования в рамках данной работы были включенное наблюдение, неформальные беседы и полуформализованные интервью. Исследователь посещала сельскую администрацию, наблюдая и выполняя порученную ей работу, сопровождала служащих в поездках «по территории» или в город и при «обходах». В течение дня делались заметки в телефоне, которые позже превратились в подробные записи полевого дневника. Кроме того, со всеми служащими проводились биографические интервью или серия неформальных бесед. Также были записаны четыре телефонных интервью с главами других сельских поселений того же района, материалы которых вошли в данную диссертацию. Проводились интервью и беседы с разными местными жителями, прогулки и наблюдения, участие в коллективной деятельности, мониторинг за страницами сельских поселений в социальных сетях и за сообщениями в локальных чатах. У исследования не было цели собрать строгую репрезентативную выборку данных, но необходимо было составить объемное представление об опыте и точке зрения разных жителей, чтобы ухватить общие механизмы и принципы сельского управления.

¹⁷ Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 52.

¹⁸ Бурдые П. Практический смысл. Спб.: Алетейя, 2001. С. 107.

Научная новизна исследования

Научная новизна представленной диссертации заключается, во-первых, в антропологическом исследовании российской низовой (сельской) бюрократии. Как было сказано ранее, бюрократические системы России и их сотрудники — достаточно редкий объект работ отечественных и зарубежных антропологов. Диссертация вводит в научный оборот принципиально новый материал о рабочей повседневности современных сельских управленцев.

Во-вторых, в диссертации предпринимается попытка комплексного анализа управления с учетом не только общего институционального контекста, но и норм сельского социального пространства и актуальной для героев исследования концепции государства и власти. Таким образом, данная работа позволяет, с одной стороны, получить новые знания об одном из вариантов сельского управления в современной России; с другой стороны, дает возможность глубже исследовать устройство самого сельского социального пространства и характерных для него норм и социальных ожиданий.

В-третьих, в исследовании применяется этнографический метод включенного наблюдения, делающий возможным нюансированное исследование внутренней механики сельского управления и, шире, государственного устройства, каким его видят конкретные сельские жители.

Теоретическая и практическая значимость работы

В данной диссертации представлен ряд рассуждений, которые оказались возможны благодаря продолжительному этнографическому исследованию. Впервые управленческая практика современных российских сельских муниципальных служащих изучается с применением метода включенного наблюдения. Полученные благодаря использованию данного метода выводы вводят в научный оборот антропологии бюрократии российский материал и вносят свой вклад в теоретическую дискуссию о степени автономии и соотношении агентности и структуры на примере российских уличных бюрократов.

Подходы, примененные для анализа практики сельского управления, и изложенные в диссертации соображения могут быть задействованы для разработки законодательных инициатив в области муниципального управления, а также использованы для создания учебных курсов по антропологии бюрократии, социальной и политической антропологии. Так, материалы проведенного исследования уже были использованы в лекционных и семинарских занятиях по курсам «Социальная антропология» («Антропология бюрократии» совместно с Александрой Мартыненко), «Введение в изучение Сибири и

Севера» («Моральная экономика» совместно со Степаном Петряковым; «Главы северных поселков» совместно с Анастасией Ярзуткиной), «Антропология бюрократии и государства» (совместно с Александрой Касаткиной, Александрой Мартыненко, Никитой Шевченко и Степаном Петряковым) в Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2022–2025 гг.

Положения, выносимые на защиту

1. Несмотря на существующий образ сельских управленцев как «хозяев территории», в реальности они находятся в отношениях двойной зависимости и подотчетности. С одной стороны, на уровне государственного социального пространства, степень и форму их дискреции определяет централизованная («командная») структура муниципальной власти в России 2020-х гг. С другой стороны, на уровне локального социального пространства, — особенности конкретных поселений и взаимоотношений управленцев с сельскими жителями.
2. Сельские чиновницы сталкиваются с серьезными структурными ограничениями, проявляющимися, к примеру, в устройстве темпоральности сельской бюрократии, а именно в *хронополитике срочных требований* и *хронополитике заботы*, развивающих у сельских управленцев специфическое *практическое чувство времени*.
3. Сельские бюрократы обладают авторитетом — это хрупкая форма власти, которая не гарантируется их положением априори, но нуждается в постоянном переподтверждении в каждом конкретном взаимодействии с односельчанами. Сельский авторитет складывается из составляющих, отсылающих к местным представлениям о «сельскости». В рабочей повседневности местных муниципальных служащих демонстративно реализуются такие слагаемые «сельскости» как *знание, простота, безотказность и трудолюбие*. В соответствии с выделенными слагаемыми, сельские управленцы накапливают и демонстрируют в своей рабочей деятельности *культурный, аффективный, социальный и символический* капиталы, необходимые для исполнения своих обязанностей.
4. Сельские управленцы классифицируют социальное пространство своих поселений, и этот процесс предлагается называть *моральной картографией*. В ходе подобного классифицирования служащие подспудно формулируют образ идеального управляемого (самостоятельного, трудолюбивого, сочувствующего управленцам и не требовательного).

Моральная карта населенных пунктов позволяет бюрократам утверждать свой статус авторитетных управленцев («хозяев территории») при всей уязвимости их позиции.

5. Важная роль в сельском управлении отведена (вос)производству *аффекта сельской свойскости*. Для сельских чиновниц главным позитивным аспектом работы, позволяющим оправдывать ее негативные стороны, служит помощь другим людям. Для жителей, в свою очередь, одной из главных функций сельской администрации и государства в целом является забота о населении, что требует от сельских управленцев делать свою работу видимой для жителей. Перформативно воспроизводимая во взаимодействиях чиновников с жителями сельская «свойскость» и «простота» становится для управленцев осознанной техникой работы и эксплуатируется системой муниципального управления.

6. Социальное и инфраструктурное благополучие видится управленцам и большинству жителей одновременно как *гоббсианский дар* государства, не связанного обязательствами, и как результат проявления воли отдельных личностей. При этом передавая односельчанам свободный дар государства из своих рук, сельские управленцы воспринимают свои личные взаимодействия с жителями как *московский дарообмен*, который производит обязательства взаимности и солидарности. Подобная сложноустроенная концепция взаимоотношений вступает в противоречие с другой популярной у жителей идеей *договора с государством*.

7. Как «управленцы», так и «управляемые» не воспринимают (само)управление как горизонтально устроенный процесс, в котором каждый человек должен принять активное участие и быть инициативным — на самом нижнем уровне управления заметен характерный для современной российской политики *персонализм*, который предполагает восприятие управления как цепочки волевых действий и силы *харизмы* отдельных личностей.

8. В исследуемых поселениях сельские администрации играют главную роль в управлении при декларируемой пассивности и разобщенности сельских жителей. Вместе с тем функционируют и альтернативные структуры управления в обход официальных бюрократов, они выстроены вокруг отдельных личностей, обладающих особым культурным капиталом и качествами характера, — *вернакулярных бюрократов*. Управление без участия сельских управленцев может быть эффективным, однако

наиболее гармоничным вариантом является кооперация жителей с сельскими чиновниками.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Результаты диссертационного исследования были представлены в ряде докладов на научных мероприятиях:

- 1) «Потому что в селе и несмотря на это: сельскость в “обыденных социологиях” и рабочей практике бюрократов “на земле”», регулярный семинар в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН «Новая сельскость» (17 декабря 2021);
- 2) «Классифицированная сельскость: “менталитет”, “устой” и “образ жизни” как контекст бюрократического управления на местах», научный семинар «На хвосте у Левиафана: антропология бюрократии в современной России» (ЕУСПб, 16–17 декабря 2022);
- 3) «“Жить в глуши”: символическое значение инфраструктуры в ландшафте сибирского села», международная конференция «Все меняется: климат, общество, ландшафты» (Ереван, 6–7 октября 2023);
- 4) «“Свои люди”: о формальности неформальных и неформальности формальных отношений в системе сельской бюрократии», общероссийская научная конференция «Выставка Достижений Научного Хозяйства — XVII» (ЕУСПб, 22–23 марта 2024);
- 5) «Говорить по-простому и помнить о людях: об аффективном труде сельских бюрократов», международная конференция Векторы 2024 (Москва, 18–21 апреля 2024);
- 6) «“Сейчас мы совсем ничего не планируем”: хронополитика срочных требований и проживание времени сельскими бюрократами в юго-западной Сибири», Томский Антропологический Форум (Томск, 3–5 октября 2024);
- 7) «Гастрономические идеологемы в дискурсе сельских управленцев: о концепциях сытости, кормления и потребления», конференция «Съедобное-несъедобное: к антропологии пищи и насыщения» (ЕУСПб, 6–7 декабря 2024);
- 8) «Управление в обход: о сельском (само)управлении в двух не удаленных сибирских поселениях»; XVI Конгресс антропологов и этнологов России; секция 15 «Изучение (не)равенства в этнографии/антропологии» (Пермь, 1–6 июля 2025).

Отдельные фрагменты диссертационного исследования обсуждались на полевых, исследовательских и аспирантских семинарах факультета антропологии Европейского

университета в Санкт-Петербурге и на «Антропологическом кружке» под руководством Н. В. Ссори́на-Чайкова (НИУ ВШЭ СПб).

По теме диссертационного исследования автором подготовлены четыре научные статьи, три из которых — в журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных исследований. Кроме того, опубликованы две аналитические рецензии на монографии, тематически близкие диссертационному исследованию.

Структура диссертации

Диссертация устроена по принципу воронки. Она состоит из пяти глав, в каждой из которых раскрывается один из контекстов сельского управления. «Обрамляющие главы» (Глава 1, 4, 5) в большей степени концентрируются на влиянии государственного социального пространства, а «внутренние» (Глава 2, 3) — на микрополитике управленческой практики в конкретных сельских поселениях. При этом с учетом выделенных четырех слагаемых нормативной сельскости («знание», «простота», «безотказность» и «трудолюбие») во «внутренних» главах анализируется, как в управлении проявляется каждое слагаемое (Главы 2–4). Поскольку управление — процесс, в котором поведение каждого агента взаимно обусловлено, во всех главах анализируется взгляд на управление разных жителей поселений. В заключительных главах (Глава 4, 5) перспективе жителей уделяется большее внимание.

II. Основное содержание работы

Во **Введении** представлена общая характеристика диссертации: описана исследовательская проблема, ее актуальность в конкретном историческом контексте — в свете происходящих изменений в системе муниципальной власти, поставлены основные исследовательские вопросы, перечислены положения, выносимые на защиту. Также дана краткая этнографическая характеристика объекта исследования и задан основной теоретический контекст, связанный с антропологическим изучением бюрократии и государства.

Глава 1 «Структурные особенности сельского управления: двойная зависимость и темпоральность сельской бюрократии» посвящена анализу общей структуры сельского управления. На примере анализа темпоральностей сельской бюрократии и отношений между ними рассматривается, с какими структурными ограничениями сталкиваются местные управленцы — не суверены своих поселений, но вдвойне зависимые (от «района» и от «населения») чиновники, переживающее чувство

непредсказуемости и небезопасности и координирующие свои действия с опорой на проекты будущего, которые они создают в ходе ежедневной работы.

В параграфе «*“Мы ничего не планируем”*» показано, что официальное рабочее время сельских чиновников не соответствует реальному времени их труда, ориентированному «на задачу», в связи с чем сельские чиновницы говорят о невозможности планировать ближайшее будущее. В параграфе «*Темпоральности бюрократии*» приводится исследовательский контекст и определяется центральное аналитическое понятие главы — темпоральности сельской бюрократии, т.е. особые способы восприятия времени и обращения с ним, которые разделяют служащие сельских администраций как социальный класс. Параграф «*Командная работа*» содержит анализ структуры отношений в системе муниципальной власти. Риторически оформленная как единая «команда», структура муниципального управления в условиях усиливающейся централизации власти предполагает, что сельские бюрократы зависят от районных органов управления. В данных условиях низовые чиновники создают две темпоральные практики работы, рассматриваемые в параграфе «*Два разных темпа работы и две схожие темпоральные практики*»: стремление все сделать как можно быстрее и отказ от спешки в некоторых ситуациях. В параграфе «*“Козлы отпущения”*» демонстрируется, что выбор той или иной темпоральной практики связан с иерархией и переживанием разных видов неопределенности, обуславливающих появление у низовых бюрократов перманентного предожидания и стратегического выжидания в наиболее небезопасных случаях.

Несмотря на заявления о невозможности планировать время, чиновники все же занимаются примерной разметкой ближайшего будущего, как показано в параграфе «*(Не)свобода в (не)планировании*». Однако в темпоральном поведении сельских бюрократов предлагается увидеть структурные предпосылки. В параграфе «*Практическое чувство времени в структуре муниципальной власти*» утверждается, что профессиональный габитус сельских чиновников связан с предвосхищением. Сельские чиновницы занимаются интерпретативным трудом и пытаются заранее предсказать развитие событий, выбирая с опорой на это предвидение стратегию действий. Одним из важных средств исходящего «сверху» контроля над сельскими служащими является хронополитика срочных требований, которая побуждает чиновников спешить с выполнением большинства запросов и требований. Влияние на темпоральность сельских бюрократов темпоральностей их поселений анализируется в параграфе «*Хронополитика заботы и невнимания: об отношениях темпоральности сельских чиновников с темпоральностью “улицы”*». Ключевую модальность этих отношений предлагается называть хронополитикой заботы, подразумевая под этим постоянную восприимчивость к

проблемам. При этом разница темпов работы в сельских администрациях, с одной стороны, согласовывается с отличающимися темпоральностями сельской жизни, с другой стороны, связана со степенью безопасности чиновниц в локальном социальном пространстве. Наряду с хронополитикой заботы можно увидеть и хронополитику невнимания. В *«Выводах»* выдвигается предположение о назначениях высказываний сельских чиновников о невозможности планировать время и делается вывод, что вырабатываемые в ходе повседневного управления темпоральные практики сельских чиновниц в конечном итоге работают на воспроизводство структуры муниципальной власти.

От временного аспекта сельской бюрократии в **Главе 2 «Взгляд на территорию: моральная картография как сельское знание и управленческий навык»** осуществляется переход к пространственному. Здесь анализируется, как сельские управленцы видят территорию поселения, которым они управляют. Классифицируя жителей и целые населенные пункты, бюрократы создают моральную картографию поселений, которая отражает желаемое для бюрократов поведение «населения». В *параграфе «Знание всех»* демонстрируется, что сельскость является предметом осмысления и обсуждения самих сельских жителей. В соответствии с местным видением сельскости определяется центральное понятие главы — сельское знание всех всеми, в т.ч. демонстрируемое и управленцами. После описания исследовательского контекста изучения бюрократических классификаций в *параграфе «Бюрократия и классификации»*, в *параграфе «Моральная картография поселений»* подробно анализируются классификации населенных пунктов, входящих в сельские поселения, которые делают главы сельских поселений с опорой на представления о едином «характере» жителей. Характеризуя населенные пункты посредством дихотомии, сельские управленцы определяют различия территорий в степени выраженности ценностно нагруженного для них, как для чиновников, признака (степень «сельскости» и готовность самостоятельно заниматься решением проблем). Какую проблему решают сельские бюрократы, классифицируя жителей, анализируется в *параграфе «Предупрежден значит вооружен»*. Утверждается, что с помощью моральной картографии управленцы формируют ожидания и тем самым уменьшают степень переживаемой ими неопределенности. Одна из самых популярных положительных черт в этой картографии — «простота», связанная с представлением о принадлежности селу и дающая управленцам надежду на содействие им в управлении как односельчанам. В *параграфах «“Простые”, “ответственные” и “сложные”»* и *«“Нормальные” и “недовольные”»* приводятся примеры инструментализации других классификационных понятий, популярных у управленцев —

«ответственности» и «нормальности». Система координат в обоих случаях выстраивается вокруг отношений жителей с сельскими бюрократами. Знание «характера» жителей поселения позволяет служащим не только эффективнее организовать работу, но и сформировать ожидания, и выработать способ оправдания управленческих успехов и неудач. Другое значение этого знания рассматривается в *параграфе «Хозяйское знание»*, где показывается, что классификации жителей позволяют на риторическом уровне реализовать популярную идею о местной власти как о «хозяевах территории».

В центр **Главы 3 «Аффекты сельского управления»** помещается следующая характерная сельская черта — «простота». Анализ аффективного режима российского сельского управления позволяет увидеть, что, подчиняясь требованиям, с одной стороны, государственного политэкономического режима, с другой стороны, локального социального пространства, сельские бюрократы активно занимаются аффективным трудом, (вос)производя в коммуникации с жителями аффект сельской участливости, который они надеются обменять на содействие в управлении. *Параграф «Разговоры “ни о чем”»* гласит, что сельские чиновники во время работы часто ведут с жителями долгие и кажущиеся им бессмысленными эмоционально заряженные разговоры. Эта особенность связана с локальным социальным пространством, в котором разворачивается их труд. В ходе обращения в *параграфе «Аффективный труд и сельское сопричастие»* к исследовательскому контексту изучения (вос)производимых эмоций в исследованиях труда и бюрократии выделяются понятия аффективного труда и аффективного капитала, которые позволяют проанализировать в следующем *параграфе «“Почти семья”: о главном аффекте сельской социальности»* эмоциональную сторону работы сельских чиновниц. В поселениях существует идея, что сельская социальность связана с аффектом свойскости, и «простым» общением. В *параграфе «(Вос)производство свойскости как притязание на господство»* анализируется, как перформанс свойскости становится техникой работы местных бюрократов, чтобы вовлечь жителей в реципрокные отношения, замаскированные под сельскую взаимопомощь. Аффективный труд сельских бюрократов задействуется для реализации господства. При этом, как показано в *параграфе «Бюрократическое дистанцирование»*, в случае нарушения режима сельской свойскости или опасности происходит бюрократическое дистанцирование, которое также требует особого риторического оформления, чтобы сохранить главный сельский аффект.

Как обобщается в *параграфе «Забота как продукт сельского управления»*, статус сельского бюрократа, и в особенности главы поселения, требует в любых взаимодействиях с жителями производить аффект сельской простоты и заботы, что связано, с одной стороны, с «нацеленностью на заботу» российского сельского

управления, с другой стороны, с гендерными особенностями этого управления, с третьей стороны, с сельскими коммуникативными нормами. Аффективный капитал сельских бюрократов, как сумма продемонстрированных ими в коммуникации с жителями эмоций, конвертируется в капитал символический и вместе с тем становится для управленцев наиболее значимой частью работы на фоне «бумажного» и потому невидимого нематериального труда. В *«Выводах»* дополняется, что несмотря на постоянную критику «командной» риторики районных управленцев, сельские бюрократы совершают похожий риторический ход на уровне поселений, говоря о них как об «одной семье» и вовлекаясь в аффективный труд. Однако сельские бюрократы и здесь занимают уязвимую позицию. Пытаясь реализовать в отношениях с жителями патримониальное господство, сельские управленцы рассчитывают на исполнение не приказов, но просьб, что необходимо им как низовым служащим, подчиняющимся требованиям «свыше».

В Главе 4 **«Сельский авторитет и обменные отношения»** анализируется влияние на рабочую практику сельских управленцев моральных сельских принципов взаимопомощи (безотказности) и трудолюбия. Показывается, что сельский авторитет — это хрупкая форма господства, которая нуждается в постоянном переподтверждении в ходе обменных отношений. Сельское управление устроено персоналистски — социальное и инфраструктурное благополучие видятся управленцам и другим жителям как гоббсианский дар ничем не обязанного государства и/или как результат настойчивости отдельных личностей. Передавая односельчанам дар государства из своих рук, управленцы воспринимают личные взаимодействия с жителями как московский дарообмен, который позволяет им рассчитывать на взаимность.

В параграфе *«Беспрекословный авторитет?»* указывается на нестабильность общих «авторитетов» в поселениях, что побуждает к проблематизации устройства авторитета в сельском контексте в следующем параграфе *«Влиятельность и безотказность»*. Здесь показано, что один из важнейших моральных принципов сельской социальности — безотказность. Этот принцип крайне значим для сельского «основанного на систематической помощи» авторитета и замечен в рабочей практике управленцев. При этом, оказывая помощь, сельские бюрократы рассчитывают, что опутанные обязательствами долга «клиенты» позже внемлют их просьбе, чтобы чиновники могли исполнить свою работу.

Более того, как следует из параграфа *«Дар государства из рук управленцев»*, сельский авторитет требует инициирования помощи, которое происходит, к примеру в настойчивом вовлечении жителей в процедуры для получения государственных благ, воспринимаемых управленцами как гоббсианский дар государства (не гарантированный и

потому обязывающей к благодарности). С другой стороны, сами сельские управленцы, преподнося жителям гоббсианский дар от государства гражданину, воспринимают свои действия как дар московский, от односельчанина односельчанину, что предполагает ответную благодарность не только государству, но и лично им. В *параграфе «Гастрономические идеологемы в дискурсе о государстве»* подробнее исследуется, какими коннотациями сельские бюрократы наделяют сельскую и государственную помощь. Горизонтально устроенная соседская взаимопомощь, хотя и эксплуатируется системой муниципального управления, может осуждаться сельскими управленцами. Выделяются четыре гастрономические идеологемы в дискурсе сельских чиновников, которые характеризуют отношения между гражданами и государством. Делается вывод, что управленцы видят нормативные отношения между государством и гражданами как гоббсианский дар, что вступает в конфликт со взглядом некоторых жителей на отношения с государством как на регулирующиеся договором. Делается предположение, что превалирующее представление о государстве как о необремененном дарителе служит отражением такой черты современного политического устройства России как персонализм — признание преобладающей роли в политике за волей лидера или отдельных влиятельных личностей, а не за государственной системой как единым целым. В «инфраструктурных разговорах», анализируемых в *параграфе «Политические послания сельской инфраструктуры»*, обнаруживается то же напряжение между двумя видениями отношений с государством. Во множестве случаев управление видится сельским жителям как персоналистски устроенное, подчиненное заслугам главы поселения, областного депутата или президента. Как обобщается в *параграфе «Очевидная работа»*, не только безотказность, но и самостоятельное инициирование помощи и настойчивость в инфраструктурных преобразованиях — это наглядные показатели работы сельской администрации, которые работают на их символический и социальный капиталы. «Выводы» дополняются размышлением о необходимости легитимности господства сельских бюрократов для функционирования системы муниципального управления. Императивы сельского социального пространства видятся более слабыми, чем императивы пространства государственного.

В Главе 5 «Управление в обход: вернакулярная сельская бюрократия и культура государства» поднимается вопрос о том, может ли управление селом быть устроено в обход официальных управленцев. Демонстрируется, что среди героев исследования не распространена сама идея горизонтально устроенной самоорганизации без ярко выраженных лидеров, и даже минимальное бюрократическое знание распределено между несколькими наиболее «грамотными» и бюрократически агентными

людьми — вернакулярными бюрократами. На примере анализа практик альтернативного муниципальным служащим управления реконструируется культура государства, в рамках которой государство видится как источник благ, добраться до которых позволяет внеповседневная харизма влиятельных лиц и настойчивость.

В параграфе *«Управлять и управляться»* для того, чтобы опередить, из чего состоит сельское управление, формулируются четыре главные функции сельских бюрократов, подробно рассмотренные ранее: забота; ответственность за пространство; медиация во взаимодействиях с государством; «выбивание» инфраструктурных преобразований. Размышления о том, могут ли выполнить обозначенные функции уже существующие в сельских поселениях предприятия и органы управления, содержатся в параграфе *«Другие органы сельской власти: самоуправление или со-управление?»*, где показывается, что все существующие организации не самостоятельны и имеют внутреннюю иерархию. Данная тема продолжается в параграфе *«Мечта об организаторе»*, где демонстрируется, что многие жители отводят себе не-агентную роль в управлении и отрицают саму возможность самостоятельных действий. Подчиняясь общему политическому контексту, управление на уровне села мыслится персоналистски — ключевая роль в процессе организации отводится отдельной личности.

В параграфе *«Бюрократическое знание и вернакулярная бюрократия»* показано, что сами навыки взаимодействия с не-сельскими бюрократическими структурами в поселениях закреплены за отдельными «грамотными» личностями. В селах образуется сеть из обладающих бюрократическим знанием людей — вернакулярных бюрократов, к которым за помощью обращаются «неграмотные» люди. Следовательно, как и управление на районном, и государственном уровне, управление в сельском поселении в обход управленцев поликефально и выстроено по персоналистскому принципу. Примеры деятельности вернакулярных бюрократов в обход сельских чиновников представлены в параграфах *«Об одной грамотной: получая блага, которые “положены”»* и *«Культура государства: дотягиваясь до харизмы»*. В последнем параграфе показывается, что в становлении вернакулярным бюрократом большое значение играет опыт работы в бюрократических структурах, в ходе которого люди накапливают нужный подвид культурного капитала и приобретают бюрократическую компетенцию. Культура государства, актуальная для жителей поселений, связана с воображением «влиятельных людей», до внеповседневной харизмы которых необходимо добраться посредством культурного капитала. Показано, что современная бюрократическая система в России устроена двояко: она иерархизирована и цифровизирована, но одновременно с этим требует особого бюрократического знания и габитуального умения взаимодействия с

государством. В этой ситуации сельские бюрократы не персонифицируют государство, но служат наиболее подготовленными посредниками во взаимодействии с ним.

Заключение обобщает сделанные этнографические наблюдения и аналитические рассуждения. Статус служащих сельских администраций противоречив. С одной стороны, они сами называют себя «властью», как это делают и многие жители. С другой стороны, парадоксальным образом, их «власть» в реальности практически безвластна и подчиняется правилам государственной структуры управления и нормам сельского социального пространства. Классические тезисы об относительной автономии и политическом потенциале уличных бюрократов оказываются мало применимы к реалиям исчезающего сельского муниципального управления в современной России. Широкой дискреции служащих сельских администраций противоречит все более укрепляющаяся вертикаль государственной власти, а также встроенность низовых чиновников в сельское социальное пространство, их зависимость от своих клиентов (что показательно, никогда так не называемых, но именуемых просто «нашими людьми»). Сами чиновники осознают уязвимость своего положения и постоянно сетуют на нее, однако в то же время пытаются соответствовать популярному образу сельской власти и демонстрируют управленческую проницательность и способность к классификациям, свойственную «хозяину территории».

Два вида социального пространства, в которые вписано сельское управление, взаимозависимы: чтобы в условиях ограниченности ресурсов и небезопасности, диктуемой государственным социальным пространством, служащие сельских администраций могли осуществлять управление и реализовывать свою «исполнительную власть», им необходимо иметь авторитет внутри сельского социального пространства. Данный авторитет складывается из четырех главных составляющих, отражая ключевые ценности сельского социального пространства. Он требует «знания» (бюрократического и сельского «знания всех»), «простоты» (релевантного сельской среде модуса коммуникации, позволяющего заработать необходимый аффективный капитал), «безотказности» (а также ее превосходной степени — настойчивой помощи) и «трудолюбия» (таких заметных со стороны проявлений «работы», как, к примеру, инфраструктурные преобразования). При этом авторитет сельских управленцев — это хрупкая форма господства, он не дается чиновникам априори в силу их должности или сопричастности территории, но требует постоянного переподтверждения в практике управления.

Сельский авторитет встроен в сложную систему обмена, связанную с концепцией государства. Управленцы и некоторая часть жителей разделяют разные представления относительно долговых отношений с государством, соотносимые с двумя видами

перенесения прав, выделенными Т. Гоббсом. В процессе дарообмена между гражданами и государством сельские бюрократы занимают позицию медиаторов. При этом, передавая из своих рук его дары, сельские бюрократы одновременно рассчитывают, что они сами вступают с односельчанами в московский дарообмен, обязывающий второго участника транзакции к отдарку — содействию в управлении, которое необходимо служащим администраций при уязвимости их позиции в структуре муниципальной власти.

Коммуникация с государством требует бюрократического знания и особой компетенции, а значит, в данный момент в сельском управлении должны быть посредники в лице официальных чиновников или не имеющих должности вернакулярных бюрократов. Тонкости внутренней механики бюрократии вернакулярным бюрократам известны в меньшей степени, чем тем, кто ежедневно совершенствует свой бюрократический навык. Когда культура государства устроена двояко, для осуществления управления необходимы волевые личности, умеющие с этой системой обращаться и готовые «добиваться» государственных благ и преобразований, несмотря на существующие в государственном социальном пространстве сложности. Кто станет таким «добытчиком», когда закроются сельские администрации? Кто будет передавать дары государства и создавать столь важный в селе аффект заботы? Или с исчезновением фигуры «добивающегося» и «заботящегося» исчезнут и мечты об «организаторе»? Возможно, изменения в структуре управления приведут к изменению представлений и ожиданий, и наконец станет развиваться самоорганизация и самостоятельность в решении проблем? Все эти вопросы могут стать отправными точками для дальнейших исследований.

Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены в следующих публикациях

В ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования:

1. Захарова А. Л., Мартыненко А. А. На хвосте у Левиафана: антропологические исследования бюрократии и бюрократов¹⁹ // Антропологический форум. 2023. № 59. С. 11–47. doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-11-47.
2. Захарова А. Л. Моральная картография: классификации жителей деревень в рабочей повседневности сельских бюрократов²⁰ // Антропологический форум. 2023. № 59. С. 103–129. doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-103-129.

¹⁹ Опубликовано также перевод данной статьи: Zakharova A., Martynenko A. On Leviathan's Tail: Anthropological Studies of Bureaucracy and Bureaucrats // Forum for Anthropology and Culture. 2024. No. 20. P. 63–91. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-20-63-91.

3. Захарова А. Л. Время сельского бюрократа: темпоральности и хронополитики муниципального управления // Этнографическое Обозрение. 2025. № 2. С. 160–180. doi: 10.13039/501100006769.
4. Захарова А. Л. Недоверие в румынской деревне (Рец. на: Radu Umbreş. Living with Distrust: Morality and Cooperation in a Romanian Village. New York: Oxford University Press, 2022. 228 p. ISBN: 978-0190869908) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 308–317. doi: 10.17223/2312461X/42/15.
5. Захарова А. Л. Рец. на кн.: James Ferguson. Presence and Social Obligation. An Essay of Share. Prickly Paradigm Press, 2021. 85 p. // Антропологический Форум. 2024. № 61. С. 259–268. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-259-268.

В других научных изданиях:

1. Захарова А. Л. Потому что в селе и несмотря на это: сельскость в обыденной социологии и рабочей практике бюрократов на земле // Деревня как ценность. Идеологии и практики новой сельскости: сб. ст. / Ред.-сост. П. С. Куприянов, М. Л. Лурье, Е. А. Мельникова. М.: Common place, 2026. [В печати]

²⁰ Опубликовано также перевод данной статьи: Zakharova A. Moral Cartography: Classifications of Village Residents in the Everyday Life of Rural Bureaucrats // Forum for Anthropology and Culture. 2024. No. 20. P. 139–161. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-20-139-161.